

Т. С. Лыткина

СОЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье анализируются причины и механизм воспроизводства бедности в постсоветской России в контексте социальной трансформации и изменения условий доступа к благам после реального социализма. На основе материалов лонгитюдного качественного исследования среди рабочих промышленных предприятий и официальных бедных одного из российских регионов доказывается, что последовательное снижение статуса рабочих, ограничение их доступа к благам и возможностей восходящей мобильности ведет к минимизации потребностей и выработке специфических способов использования внутренних ресурсов. Социальное исключение на макроуровне рассматривается как воспроизводство структур неравенства, на микроуровне — как практики жизнеобеспечения, выстроенные на осознании «бедными» своей ненужности для общества.

Ключевые слова: *культура бедности, социальное исключение, повседневные практики и жизненные стратегии.*

Keywords: *culture of poverty, social exclusion, everyday practices and life strategies.*

Проблематика формирования бедности в социологии традиционно рассматривается в двух альтернативных направлениях: структурном и культурном. Структурный подход связывает благосостояние индивида с его местом в социальной структуре, детерминирующей действия, культурный — объясняет воспроизводство бедности социализацией и особым образом жизни, блокирующим возможности восходящей мобильности и удерживающим людей на «социальном дне». Бедность становится самостоятельной и воспроизводящей силой даже при благоприятных внешних условиях (Lewis 1965; Ярошенко 1994).

Сегодня «культурных» и «структурных» объяснений природы бедности в чистом виде не существует, идет активный поиск их синтеза. Наиболее плодотворной является концепция «социального исключения» А. Сена (Сен 2004). Несомненным ее достоинством считается фокус на структурах возможностей и процессе производства социальной позиции через взаимодействие индивида и общества (Ярошенко 2005: 51). Однако для развития данной концепции важно выявить, в какой момент и при каких условиях активизируется культурная составляющая последовательного вытеснения людей «на дно», а также определить, насколько продуктивно ее использование в изучении природы бедности в постсоветском обществе.

В данной статье причины бедности и механизм ее воспроизводства в современной России анализируются в контексте трансформации социального порядка, изменения статусных позиций и условий доступа к благам после реального социализма. Для постановки проблемы и первичного анализа использованы глубинные интервью с работниками депрессивных промышленных предприятий и официальными бедными, зарегистрированными в органах социальной защиты г. Сыктывкара, Республика Коми*. Основное внимание уделено рабочим, которые первыми испытали социальные последствия перехода страны к рынку, нисходящую мобильность и резкое снижение социального статуса (Burawoy, Krotov, Lytkina 2000). Именно это обстоятельство обусловило ограничение возможностей использования личных и семейных ресурсов, снижение уровня потребностей и привыкание к бедности. Рабочие не только испытали на себе негативные социальные последствия рыночных реформ, оказались в наиболее уязвимом положении, но и продолжают в нем находиться: *«Раньше я чувствовал себя человеком, которого уважали и начальство, и рабочие. Сейчас тут ты, как раб»* (м., 1966 г.р., рабочий).

Последующие рассуждения и обобщения основываются на анализе более чем ста тридцати качественных интервью, но ведущей намеренно

---

* Проект «Экономическая инволюция в России» (1994–2002 гг.), реализован под руководством М. Буравого (Калифорнийский университет); проект «Гендерные различия стратегий занятости в России» (1999–2002 гг.), осуществлен сотрудниками ИСИТО под научным руководством С. Ашвин (Лондонская школа экономики) в четырех городах России (Москва, Сыктывкар, Ульяновск, Самара); проект «Постиндустриальная трансформация как фактор снижения периферийности северного региона», осуществляемый Программой Президиума РАН №24 «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.); рук. акад. РАН А.Г. Гранберг.

представлена лишь одна биография социально исключенного человека, прежде успешного труженика советского производства. С одной стороны, такая избирательность обусловлена наличием у респондента явных признаков деструктивного поведения и выпадения из общества, а с другой, — типичностью его биографии, показательной для выявления причин «деструкции» и исключения (всего было изучено 9 аналогичных случаев: 4 женщины и 5 мужчин).

При осознании многообразия видов ограничения структурных возможностей особое внимание уделяется причинам (вос)производства бедности, укорененным в структурах социального неравенства через повседневные практики взаимодействия между отдельными людьми или группами с различными материальными и социальными ресурсами. Пренебрежительное отношение к «бедным» со стороны элит, на которое указывал Дж. Раунд (Раунд 2006), достаточно быстро распространилось и на другие слои российского общества. Данный тезис развивает, по своей сути, базовое положение марксистского классового анализа бедности как результата особых социальных отношений (Маркс 1960; Wright 1997), следствия заинтересованности более благополучных групп населения в получении материальных и социальных выгоды от ее существования. При этом отношение окружающих к «бедному» как к неудачнику, абсолютному виновнику своего положения, имеет гораздо большее негативное влияние на формирование неперспективных практик жизнеобеспечения и снижение мотивационных достижений среди малообеспеченных групп населения, чем отсутствие рабочих мест на рынке труда.

Для советских людей это имеет принципиальное значение, поскольку советская идеология и практика создала рациональную систему ценностей, норм и правил решения жизненных проблем, обеспечивающих/гарантирующих восходящую мобильность в условиях реального социализма. Советская система, лишавшая людей материальных ценностей, усиливала роль межличностных контактов: ежедневно человек стремился стать «своим», достойным членом трудового коллектива. Социальное взаимодействие становилось смыслом жизни рабочего человека. В основе социальных отношений просматривается ориентация на другого человека, коллективизм и даже социальная ответственность. В современный период отсутствие навыков эгоцентризма сдерживает формирование «успешных» жизненных стратегий: люди готовы оказывать поддержку близким людям (друзьям, коллегам), но оказались совершенно не способными отстаивать свои права и интересы. Ограничение структур возможностей и резкая социальная дифференциация населения привели к переоценке людьми жизненных ценностей и своего места в обществе,

что обусловило кризис идентичности. При этом человек утратил самодостаточность и приобрел опыт неудачника. Все чаще он чувствует себя никому не нужным и лишним, не рассчитывая больше на помощь извне, он вынужден «замкнуться на себе и собственных проблемах», вырабатывая практики поведения и формы жизнеобеспечения, характерные для людей его социального статуса.

Советские ценности, востребованные в прошлом, в современных условиях оказали негативное влияние на адаптацию людей в период перехода страны к рынку. Не потому, что население было отягощено иждивенческими настроениями, как было принято считать в начале 1990-х гг., а потому, что нормы советского прошлого перестали «работать» и оказались не востребованными в рыночных условиях. Новые ценности успеха могли «освоить» и развить лишь избранные. Развал советской распределительной системы и негативные социальные последствия рыночных реформ привели у значительной части населения к формированию «новой» культуры — жизни в бедности, ограниченных возможностей, пределов социальной мобильности, неуверенности в завтрашнем дне и в безысходности. Те незначительные блага, предоставляемые государством, которыми «бедные» могут еще воспользоваться, сопровождаются унижениями, грубостью, предвзятой точкой зрения служащих государственных учреждений, что достаточно часто приводит к отказу от них (Раунд 2006).

В работе доказывается, что «культура бедности», прежде всего, вырабатывается под влиянием внешних факторов, ограничивающих доступ к благам, и выражается в минимизации потребностей, специфических способах использования «внутренних» ресурсов, встроенных в современные жизненные стратегии. Под «внутренними» ресурсами мы понимаем набор определенных знаний, ценностей, опыта и средств (материальных или социальных) у индивида или семьи, которые могут быть задействованы в процессе поиска подходящих источников дохода и способов улучшения материального положения семьи. *Потребности* — внутренний побудитель активности, отражающий нужду в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности индивида и его семьи. Доступные блага, предоставляемые внешней средой, — это *внешние ресурсы*. Возможности становятся ресурсами только тогда, когда они осознаны и могут быть практически использованы в удовлетворении потребностей.

Советские установки сохраняются, но, несмотря на это, меняются практики жизнеобеспечения и социального взаимодействия. Именно они вместе с родительским опытом будут переданы «по наследству» детям и выступят основным элементом внешней среды, определяющим их жизненные позиции и стратегии.

Складывающаяся культура бедности вырабатывается при осознании снижения социального статуса и ограниченных возможностей доступа к благам. При оценке безвыходности ситуации в преодолении материальных лишений постепенно происходит свертывание «внутренних» ресурсов и потребностей. Осознание утраты привычного социального круга, разрыва социальных сетей усугубляет положение, усиливает ощущение, что человек никому не нужен: ни государству, не работодателю, ни семье, что провоцирует практику самоисключения из «благополучных» групп и приводит к поиску «себе подобных». Приходит убежденность, что все предпринятые усилия — напрасны и выхода из сложившейся ситуации нет. Это и есть культурный шлейф, определяющий последующие практики в преодолении жизненных проблем. Таким образом, социальное исключение на макроуровне рассматривается как воспроизводство структур неравенства, на микроуровне — как практики жизнеобеспечения, выстроенные на осознании «бедных» в своей ненужности для общества.

О респонденте

Назовем респондента Александром. Впервые наша встреча состоялась осенью 1999 г., когда ему было 36 лет. Признаки бедности прежде всего проявляются в типе жилья и убранстве жилого помещения. Саша живет в общежитии. Первый этаж здания не освещается ни электричеством, ни уличным светом, свободно передвигаться там могут только «свои». Посторонние продвигаются на ощупь, дыша смрадом, который исходит от организованной жильцами свалки отходов у запасного выхода. Начиная со второго этажа лестничные площадки днем освещаются уличным светом, а в вечернее время светом от уличных фонарей. Вплоть до пятого этажа оконные проемы не имеют стекол, где-то отсутствуют и сами рамы. Всюду валяется мусор, который жильцы не донесли до уличных контейнеров, практически каждый угол превращен в туалет. Однако к 2001 г. общежитие все же почистили и даже вставили новые рамы, хотя и без стекол.

На пятом этаже, где живет респондент, секция резко отличается чистотой, благоустройством и наличием освещения. Все это заслуга респондента, который не только сам поддерживает секцию в надлежащем виде, но и требует того же от соседей.

Респондент занимает две проходные комнаты. Одна из них служит гостиной и кухней, там же спят дети. Другая комната представляет собой зал и спальню респондента. В комнатах давно не было ремонта. На стенах протертые старые обои, мебель куплена в середине 1980-х гг., также нуждается в обновлении. На кухне три холодильника, купленные

за бесценок с рук. Ни один из них не работает, но предполагается, что в будущем они будут отремонтированы. Лучший из них останется у респондента, другие будут проданы за более высокую цену, чем были приобретены изначально. Количество холодильников и возможность их последующей реализации с целью получения дохода — особая гордость респондента: в этом, с его точки зрения, проявляется его хозяйственность.

До 1995 г. Александр жил полной семьей и имел постоянную работу. В 1999 г. он уже нигде не работает, перебивается разовыми приработками. Основной источник доходов — социальные пособия. Пьет. Если первоначально бедность была порождена социально-экономическими условиями жизни (первичная бедность), то впоследствии вызвана результатами деструкции личности. Далее мы попытаемся «войти» в ситуацию респондента, раскрыть причины бедности и «самостоятельного» выбора такой жизни. Для реконструкции социальной биографии респондента, а также проверки информации были опрошены родители, родственники, знакомые, соседи по общежитию, изучены фотоальбомы и другие документы (школьные дневники, детские рисунки) из семейного архива. Сбор материала сопровождался методом наблюдения.

Родительская семья

Саша родился в 1963 г. в одной из деревень Республики Коми. Кроме Александра в семье было еще пятеро детей. Трудовая биография его родителей началась рано. В годы войны его отец в возрасте 14 лет уже был бригадиром совхоза, а немногим позже — председателем райпотребсоюза. С выходом на пенсию по инвалидности его профессиональная карьера резко пошла вниз: 2 года он проработал рыбинспектором, 2 года мастером сплава, один год учителем в школе, после чего он вышел на пенсию по возрасту. Мать респондента работала нянечкой в детском саду*. Иными словами, это была типичная советская семья с традиционным распределением гендерных ролей и оплачиваемой занятостью обоих супругов.

---

* Мама респондента — скромная, добрая женщина, которая растила детей, занималась домашним хозяйством и очень любила отца. Несмотря на все жизненные неприятности, она всегда чувствовала себя счастливой: *«с ним я чувствовала себя в шелках»*. Она ни разу не сопровождала своего мужа в его поездках и выезжала из деревни лишь тогда, когда кто-то из ее детей устраивал свою семейную жизнь. Когда муж умер и она осталась одна, дети неоднократно просили ее переехать к ним, но она на это не решилась. Она была душой семьи, хотя и играла в ней второстепенную роль. К моменту написания данной статьи родителей Саши не было в живых: отец умер в 2003 г., мать годом позже.

На семейных фотографиях отец Саши имеет разные «социальные лица». За пределами сельского сообщества (фотографии на отдыхе в санатории) это солидный мужчина, всегда в костюме и в галстукe, один или вместе со столь же представительными мужчинами и женщинами. В кругу семьи и односельчан — душа компании, нередко с гармонью, чаще с женщинами, чем с мужчинами. Внешне ничем не отличается от остальных селян. В то же время, по рассказам членов семьи, односельчан, родственников и друзей, отец всегда занимал видное положение на селе. У него были обширные связи с высокопоставленными людьми из города, которые навещали его, останавливались у него в гостях. За ним из города приезжала служебная машина, а на теплоходе* ему всегда отводилась лучшая каюта. Однако благодаря коммуникабельности, вниманию к окружающим и другим личностным характеристикам ему всегда удавалось сгладить существующее неравенство в социальном положении, в результате чего семья всегда занимала центральное место в сельском сообществе и пользовалась уважением односельчан. Особую благодарность испытывают те, кому он помог в решении проблем с трудными подростками: по словам респондентов, все они стали честными тружениками и достойными гражданами советского государства.

Со своими детьми он был достаточно строг и придерживался принципа: *«всего в жизни нужно добиваться самому»*. Тем самым отец ограничивал себя от детей и предоставлял им возможность самим утвердиться в обществе. Прививая им такие ценности, как трудолюбие, ответственность, порядочность, он всегда подчеркивал социальную составляющую в поведении человека. Иначе говоря, в их семье никогда не стремились к богатству, образованию, карьере, но всегда стремились к социальному балансу взаимоотношений. Отец имел связи и мог каждому помочь устроиться в жизни, определить жизненный путь, но лишь по отношению к одному ребенку — младшему сыну Александру — он решил отступить от своих правил и устроить его будущее (забегая вперед, скажем, что сын не воспользовался помощью отца). Данный пример также свидетельствует об уверенности отца в интеграционных возможностях детей вписаться (влиться) в мейнстрим советской системы.

Что касается материального положения семьи, то, по оценке детей, семья жила бедно, но деньги были всегда. *«Мы всегда одевались очень бедно. Когда я закончила 8 классов и решила уехать учиться в город, отец мне дал всего 10 рублей. С собой у меня было два платья и пальтишко, но многие*

---

* До начала 1980 гг. в направлении, где жили родители респондента, отсутствовала автомобильная магистраль, поэтому в город чаще всего добирались на теплоходе.

жили так, хотя я знала, что у отца есть деньги. Он зарабатывал хорошо» (старшая дочь, сестра респондента).

Впервые я посетила родительский дом респондента в 2000 г. В избе, состоящей из трех отдельных комнат, практически нет мебели. Так, например, в одной из жилых комнат, где днем принимают гостей, ночью спят, а в закуске готовят пищу, из мебели стоит только старый гардероб, купленный в 1960-е гг., диван, приобретенный в 1970-е гг., и телевизор середины 1980-х гг. Все остальное изготовлено из дерева руками хозяина дома: обеденный стол, вместо стульев самодельные лавочки вокруг стола и у печки, небольшой кухонный стол, деревянные полки для посуды. В другой комнате две железных кровати, сундук для белья, самодельный деревянный стол, две самодельные табуретки и старый холодильник. Третья комната практически пустая, хотя по размеру больше других: самодельный стол, сундук, деревянные лавки, на стене висят портреты Ленина и Маркса. По всему дому на деревянных полах расстелены дмотканые половики, на окнах ситцевые занавески, полинявшие от старости. В ходе исследования выяснилось, что отец был заядлым рыбаком и охотником. В доме множество сетей и крючков, в собственности отца были две моторные лодки, оружие для охоты и т. д. Нужно отметить, что охотничье снаряжение и рыболовные снасти стоят гораздо дороже, чем вся обстановка в доме. После смерти отца были обнаружены семь сберкнижек: в советские времена отец каждый год откладывал деньги, которые должны были унаследовать дети.

Очевидно, что карьера отца в начале трудовой биографии не является результатом его профессиональных достижений, она обозначилась в результате социально-экономических условий и особых событий в стране: Великая отечественная война, отсутствие высококвалифицированных кадров и специалистов на селе. Профессиональные качества отца сводились к организаторским и хозяйственным способностям, которые являлись логичным продолжением традиционного образа жизни на селе и домашней экономики.

Обращает на себя тот факт, что демонстрация более высокого уровня жизни отдельных граждан в сельском сообществе была неуместна и опасна. Отцу необходимо было варьировать между различными социальными статусами, но он имел необходимые навыки, востребованные в различных культурных средах, в каждой из которых получал дивиденды в виде государственных благ или признания на селе. Аскетизм обстановки являлся сознательным отказом от материальных благ, что являлось характеристикой всей советской системы, не ориентированной на рост материального потребления. Вещизм не только порицался, но в условиях дефицита потребление было практически невозможно.

Важным условием формирования социального статуса была необходимость слиться с общей массой селян, чтобы через личностные качества, такие как хозяйственность, организаторские способности, обаяние и т. п., завоевать авторитет в глазах окружающих. «Выделение» в богатстве и «отделение» от общих масс (подчеркивание социального статуса) порицалось, что выражалось не только в поведенческих практиках, но и в воспитании детей. Иными словами, «успех» на селе достигался не через материальные ценности, а через умение интегрироваться в сельское сообщество.

Если говорить о «наследственности», то акцент детей в определении их будущих жизненных стратегий был сделан на социальных отношениях. Изолированность, пространственная ограниченность места проживания способствовали тому, что дети не только были лишены представлений об ином образе жизни и способах достижения, но и подвергались особому социальному контролю. Более того, социальность была одной из ведущих форм управления людьми в советский период. Иначе говоря, «социально зависимые» люди были востребованы советской системой.

Обратимся к последующей стадии становления респондента — «баюнья судьбы», каковым считали его родственники и друзья.

Пора становления

Саша рос веселым, общительным мальчиком, любимцем семьи и друзей. Уже с трех лет родители выявили у сына исключительный музыкальный слух и купили ему гармонию. Позже, благодаря своей природной одаренности, он научился играть не только на гармонии, но и на баяне, гитаре, басы и других музыкальных инструментах. Он выступал на сельских концертах, танцах, школьных вечерах, пользовался успехом в окрестностях не только села, но и района. Сверстники просили играть дворовые песни на гитаре, старшее поколение предпочитало, когда он играл на гармонии или на баяне русские и коми народные песни. Родители гордились сыном, друзья завидовали.

В школе он не проявлял усидчивости в учебе, а родители не требовали от сына хороших отметок. Хотя, по его признанию, учиться он мог. В качестве доказательства он всегда приводил пример, когда после окончания 8 класса по алгебре и геометрии в дневнике были выставлены двойки, а экзамены были сданы на 5. После 8 класса Саша, как старший брат и сестры, уехал в город. За компанию с друзьями он поступает учиться в сельскохозяйственное училище на механизатора. Сразу же после окончания училища Саша был призван в ряды Советской Армии, где служил два года. Его доблестные успехи были отмечены командным составом, родители получили благодарственное письмо. Оно сохрани-

лось до сих пор, и родители, да и сам респондент, часто демонстрируют его всем желающим.

После службы в армии в 1984 г. он вернулся в родное село. Отец, используя свои связи, решил отправить своего любимого сына учиться в Ленинград на следователя. Сын не протестовал, напротив, выказал особое желание проявить себя в учебе и получить специальность. Перед ним возникали огромные возможности: получение образования, специальности, выбор места жительства, обеспечение жильем и т. д. Однако его будущая жена, несмотря на его уговоры, не захотела переезжать из провинциального города в столичный Ленинград. В результате Александр, который и сам был лишен амбиций, отказался ехать на учебу.

По совету одного из родственников он устроился работать электриком в строительную организацию г. Сыктывкара, от которой сразу получил комнату в малосемейном общежитии. В 1985 г., как только будущей жене исполнилось 18 лет, он женился. К тому времени она окончила училище и устроилась работать парикмахером. В 1986 г. в семье родилась дочь, а через год еще одна. По заключению самого респондента и его родственников, они были счастливой семьей. Родственники отмечали веселый и доброжелательный нрав обоих супругов, а также теплоту их отношений, которую подчеркивали букеты полевых цветов и роз, а также совместное пение в кругу родственников и друзей.

Его работа была связана с частыми командировками, которые он не любил, поскольку приходилось расставаться с семьей, но недостатки работы компенсировались высокими заработками. *«Я думал, что стану миллионером»*. Он по-прежнему пользовался большим уважением как знающий свое дело специалист, заботливый и внимательный муж. Он также был другом, на которого всегда можно было положиться, и родственником, всегда готовым прийти на помощь. Казалось, что любовь окружающих ходит за ним по пятам. Ему завидовали многие, даже родственники.

Как видим, наш респондент мог стать талантливым композитором, известным певцом, но эти столь «далекие горизонты будущего» не отмечались даже отцом, который имел определенный статус и мог бы обозначить перспективы жизни для любимого сына.

После службы в армии перед ним открылись новые возможности, от которых Александр легко отказался. В данном случае мы видим границы объяснения его поведения в традициях советской культуры, таких, как отсутствие достижительских ценностей (эгоистических устремлений, амбиций, упорства, целеустремленности и т. д. — предприимчивость в советский период порицалась и наказывалась) и ориентация на другого человека, свойственных людям с данной социальной позицией.

Отметим также, что происходит успешная адаптация респондента к городской самостоятельной жизни. Без особых усилий он обеспечивает себе и своей семье достойное материальное положение. Уже к 23 годам жизненный путь данной семьи предопределен — это рабочая карьера, успех среди друзей, впоследствии получение квартиры от предприятия, покупка стандартной советской мебели и достойный уровень жизни советских граждан, — что подтверждает правильность выбранной стратегии поведения в конкретный исторический период для данного конкретного случая. Все это возможно благодаря тому, что респондент упакован советскими возможностями и ресурсами, востребованными данной системой.

Начавшиеся экономические реформы в стране нарушили общий ритм жизни данной семьи. Ни Александр, ни его жена оказались не способными к борьбе за выживание, к определению жизненного пути в иных условиях. Они увязли в комфортном образе советской жизни, в своих представлениях о нормах жизни и личных возможностях, которые еще совсем недавно легко вписывались в существующую социальную реальность. Они оказались слишком далеки от требований «новой жизни», начали отставать от «новой социальной реальности», постепенно снижая свой социальный статус, у них также не оказалось культурного багажа для формирования личных устремлений и их достижений. В результате они оказались исключенными из новой экономической системы.

Начало экономических реформ

До 1995 г. Саша работал электриком в строительной организации и хорошо зарабатывал, его жена при этом получала копейки. Наконец они решили, что ей лучше будет оставить работу и заняться детьми: *«Я так и сказал ей: сиди дома, я прокормлю»*. Она уволилась и стала домохозяйкой. Позже она поняла, что вместе с работой она потеряла привычный круг общения, любимое занятие и добровольно заключила себя в «четыре стенах». Она начала жаловаться, что ей не хватает общения, но Саша не понимал ее жалоб: *«Столько родственников, иди, общайся, тебя все примут»*. Она нервничала, начала высказывать претензии по поводу частых командировок и недостаточного внимания с его стороны. В результате и он решил уволиться с предприятия, с полной уверенностью, что такой специалист, как он, всегда сможет устроиться на работу и прокормить семью. Параллельно они занялись поисками работы для нее, но неожиданно для себя оба столкнулись с серьезными проблемами трудоустройства.

Официальной работы он так себе и не нашел и начал подрабатывать электриком на обслуживании общежитий. Он стал человеком без определенного места работы (БОМР). Его новый социальный статус беспо-

коил его и ущемлял профессиональные амбиции, а приработки не обеспечивали привычного уровня жизни— неофициальные заработки на обслуживании общежитий уходили исключительно на погашение коммунальных услуг. Чтобы прокормить семью, ему приходилось искать дополнительную работу: *«Жить тогда можно было только на приработках»*. О возможностях развития предпринимательской деятельности не могло быть и речи, несмотря на высокий профессиональный уровень Александра. С одной стороны, останавливало отсутствие необходимой информации, опыта такой деятельности для организации своего дела, с другой, — надежда на улучшение ситуации в стране, на возможность традиционной занятости на производстве.

Нерегулярная работа (приработки) не требовала строгой трудовой дисциплины, респондент сам регулировал свой график работы, трудовой режим. Саша был предоставлен сам себе — это расхолаживало его. Отсутствие основ самодисциплины усиливало сложность самореализации, поиска образцов и ориентиров поведения.

Его жена начала предоставлять парикмахерские услуги на дому, но у людей не было денег, чтоб расплатиться, да и ее характер (добрый, безотказный и открытый) был далек от предпринимательских расчетов. Семья привыкала к новым, более низким стандартам потребления, а также к бесконечным долгам. Супруги начали выпивать, вначале Александр, затем его жена. Из красивой милой девушки она превратилась в женщину, которая выглядела намного старше своего возраста. На лице отразились следы глубокого пьянства. В мае 1998 г. она сбросилась с балкона. По версии одной из родственниц, смерть жены связана с финансовой несостоятельностью семьи. Они задолжали слишком много, а рассчитаться с долгами уже не могли. Незадолго до смерти она сказала родственнице: *«Я умру, так хоть пенсию будут получать»*. В результате он остался один с двумя дочерьми 12 и 11 лет. Смерть жены и выплачиваемые государством пенсии по потере кормильца на него (как не имеющего постоянной работы) и детей привели его к официальному признанию себя бедным.

Иными словами, с переходом страны к рыночной экономике государство сняло с себя ответственность за обеспечение человека. Тяжелая задача материального обеспечения легла на плечи семьи, образовав конфликт с нормами советского прошлого. Как мы уже отметили, потеря образцов и ориентиров поведения, утрата возможности самореализации, невозможность самоидентификации вела к разрушению личности. Экономический кризис явно этому способствовал. За достаточно короткий период произошла резкая дифференциация населения, образовались группы с ограниченными возможностями.

Разрыв межгрупповых связей (социальных отношений) в сфере трудовых отношений привел к тому, что смерть близкого человека переживалась респондентом в одиночестве. Особенно тяжело это было для человека, который всегда находился в центре внимания и сейчас испытывал острую необходимость в поддержке близких людей, коллег, в занятии любимым делом. Ничего этого у Саши не осталось, оставалась лишь ответственность за детей, которая, в его представлениях, сводилась лишь к зарабатыванию денег, но и эти возможности оказались ограничены.

Современные стратегии занятости

После смерти жены официальное трудоустройство стало респонденту невыгодно. Его стратегия поведения на рынке труда была обусловлена ориентацией на государственную помощь: пенсию по потере кормильца, жилищные субсидии и бесплатные обеды в школе, предоставляемые малообеспеченным семьям. Кроме того, он считает, что у него сохраняется трудовой стаж как у одинокого отца, имеющего ребенка до 14 лет.

Он по-прежнему перебивается приработками, небольшой выбор высокооплачиваемых мест на рынке труда неприемлем для него. Лейтмотивом в интервью звучит, что основной проблемой выгодного трудоустройства является наличие и возраст детей, а также отсутствие человека, которому можно было бы их оставить. Необходимо отметить, что он не единственный одинокий мужчина, который приводит подобные аргументы. Трудовая биография таких людей резко меняет свою траекторию: теперь они вынуждены избирать «женские» стратегии занятости на рынке труда с удобным графиком работы, стабильным, хотя и небольшим заработком: *«Предлагали Печорстрой, в Мостострой, но это вахтовый метод, надо выезжать на 1,5-2 месяца в командировки, но только, если я уеду, дом-то мой цел будет? Вот вопрос. Боюсь оставить дом, боюсь оставить дочерей».*

Трудоустройство на низкооплачиваемую работу становится невыгодным по экономическим мотивам — низкие, зачастую нерегулярные заработки не сопоставимы с размерами государственной поддержки: *«Если я устраиваюсь, мне одну пенсию платить не будут, ее снимают. Считай, я потеряю 360*». А сюда принимают — 450, а я там буду сидеть*

---

* Величина ПМ (прожиточного минимума) на душу населения в 1999 г. составляла в среднем 923,3 рубля. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в РК составляла 2417 руб. (в Сыктывкаре 2029 руб.). Примерно 65 % населения РК имели заработок ниже начисленной среднемесячной номинальной заработной платы, из них 36 % населения — в два раза ниже (на уровне прожиточного минимума). И те, и другие зачастую получали ее с задержками.

с 8 до 5. А в этом «Сыктывкаре» [название гостиницы — Т.Л.] с 8 до 10, работать. Зачем мне эти 450. Есть хорошие работы».

В то же время государство щедро наделяет Александра социальными пособиями, которые оказались более выгодными по сравнению с возможностями заработка. В результате формируются стратегии зависимости (защиты), ограничивающие уровень потребностей и использование индивидуальных ресурсов (профессиональных знаний, трудовых навыков и т. д.). Этого бы не случилось, если бы государство выплачивало пенсию независимо от статуса занятости респондента (или, напротив, не выплачивало ее вовсе, увеличив пособия по потере кормильца на детей, но освободив респондента от данной материальной зависимости со стороны государства).

Несмотря на длительную нестабильную занятость, респонденту кажется абсурдным устраиваться на работу с зарплатой в 500 рублей, если его пенсия по потере кормильца составляет столько же. Арифметика проста: официальный доход его семьи в виде трехкратного размера пенсии по потере семьи (его как не работающего и двоих его детей) — 1500 рублей, жилищная субсидия составляет 675 рублей, дети получают бесплатные обеды, т. е. всего около 2500 рублей. При его устройстве на работу он сохраняет только пенсию по потере кормильца только на детей — 1000 рублей, и получается, что трудоустройство с оплатой труда до 1500 рублей не имеет никакой экономической выгоды, поскольку совокупный доход лишает его права на статус малоимущего, т. е. жилищных субсидий и питания детей в школе, а семейный доход остается прежним (1500 рублей).

Весной 2000 г., во время нашей очередной встречи, он, как и прежде, придерживается выбранной стратегии, надеясь, что летние приработки облегчат его существование. Все чаще наличие приработков и размеры доходов становятся бахвальством: его трудовые будни все чаще сменяются периодами запоя, периоды хорошей оплаты сменяются периодами работы за продукты питания и просто выпивку. Несмотря на все его старания придерживаться высокой стоимости своих услуг, цены на них начинают падать, сохраняется лишь ценность самого труда: *«Для меня работа — азарт. Я даже когда работаю, мне не хочется ни пить, ни есть, ни курить. Даже в туалет не хожу. Уже пять лет я не работаю. Хочется уже устроиться. А то чувствую себя волком-одиночкой. Хочется работать мне. Даже если бы мне платили даже 1500 рублей, все равно бы устроился. Есть работа, но там зарплата. Что я сижусь, 500 рублей получаю, что*

Группа респондентов относится к числу 1/3 части населения, чьи доходы на уровне или ниже прожиточного минимума.

я куда-то пойду. Целый день буду торчать и 500 рублей получать. Есть работы по 7000, по 11000, но вахтовый метод по 40 дней, я дома не буду».

К осени 2001 г., к моменту нашей очередной встречи респондент так и не устроился на работу. Уровень жизни семьи значительно снизился, пенсии по потере кормильца пропивались, отдавались за долги, в лучшем случае покупались продукты питания, которых хватало всего на неделю. Вещи покупаются бывшие в употреблении или на рынке по самым низким ценам, что вызывает у семьи особую гордость за умение торговаться и экономить деньги.

Со стабилизацией рынка труда Саша начинает поиск постоянной работы, но теперь работодатели не желают видеть его в качестве своего работника. Основным предлогом для отказа в работе было отсутствие специального образования, при этом стаж работы по данной профессии не учитывался. Александр понимал, что это не основная причина отказов, поскольку благодаря своим многочисленным подработкам видел, что «образованные» специалисты не обладают опытом монтажа в строительстве. Кроме того, он знал и возможности руководителей: при их заинтересованности в определенном работнике они могут сделать все необходимые документы. И он возвращается к апробированной стратегии, ориентированной на государственные пособия и неофициальную занятость.

Родственное взаимодействие и социальные сети

Респондент, исключенный из официальной занятости в середине 1990-х гг., пока еще востребован в занятости неофициальной как высококвалифицированный специалист. В рамках неофициальной занятости он «выгодный» работник: на нем можно сэкономить на социальных выплатах, предусмотренных при официальном трудоустройстве, более низкой оплате труда, штрафных санкциях и т. д. Александр не только понимает экономическую выгоду работодателя в сотрудничестве с такими работниками, но и отмечает социальную сторону подобных взаимоотношений: *«А им выгодно иметь таких, как я. Я что — напился, прогулял. Я же знаю, что виноват. Я качать права не буду. Наоборот, я буду работать, как бык, в два раза больше. А если я не пью, долго не пью, я же начинаю права качать, требовать, чтоб инструменты были, работа... Если, конечно, запоями надолго, то это, конечно, уже другое».*

К его услугам нередко прибегают люди, которые и вовсе не намерены оплачивать его работу либо оплачивать ее по мизерным расценкам или продуктами питания. Он и сам нередко готов работать бесплатно ради морального поощрения, социального признания, но его статус определяет отношение к нему окружающих и его отношение к самому

себе. Возникающее противоречие он не в силах разрешить. Напротив, проблема несоответствия установок усугубляется даже на уровне отношений с близкими людьми.

Если первоначально респондент и его жена притягивали к себе исключительно восхищенные взгляды, то позже начали вызывать негативные чувства: осуждение, жалось и даже отвращение. Лишь его родители, пока были живы, выражали сострадание и сочувствие по поводу неудавшейся жизни, пытались по возможности оказывать посильную материальную и моральную помощь. Близкие родственники перестали приходить в гости, поздравлять с праздниками и с днем рождения не только самого Александра, но и его детей (лишь одна сестра из трех оказывала посильную помощь респонденту). В то же время они всегда о нем вспоминали, когда им самим требовалась помощь, что не осталось незамеченным респондентом. Сам же Александр, по словам родственников, появлялся, как правило, чтобы занять и отдать деньги.

Попытки повторного брака (1999–2000 гг.) также не увенчались успехом. Александру не понравилась женщина, которая *«вдруг откуда-то»* появилась по желанию одной из его сестер и под предлогом того, что *«девочкам нужна мать»*. Но ее в большей степени интересовал жилищный вопрос, чем создание крепкой семьи, основанной на любви и согласии. В результате отношения очень скоро распались.

Отношения с детьми тоже складывались непросто. Девочки очень быстро поняли, что все окружающие их жалеют, когда узнают, что мама умерла, а отец пьет. О своем положении они зачастую привирали, рассчитывая на жалость и материальную поддержку. Девочки оказались в маргинальном состоянии: среди подростков они должны были самоутверждаться и демонстрировать свою «крутость», среди взрослых — вызывать жалость к себе. Взрослые, оказывая детям помощь, в свою очередь, невольно отчуждали их от отца. Например, несмотря на запрет отца и даже наказания, в гардеробе девочек неизменно появлялись чужие вещи (брюки, джемпера и т. д.). Статус отца падал, несмотря на его заботу о них: до 2000 г. он сам стирал, готовил и даже пек хлеб.

Прежде, как уже было отмечено выше, Александр всегда был в центре внимания. Теперь в его сознании укрепилась мысль в своей ненужности, которая характеризуется создавшимся дисбалансом между потребностью всеобщего признания и необходимостью чувствовать себя нужным, — с одной стороны, и реальным социальным статусом, — с другой. Общество перестает принимать Александра, происходит осознание им своего статуса как непривилегированного, ущербного, не востребованного системой, обществом. Примеры нового опыта трудовых отношений, а также нового опыта отношений с родственниками и детьми

являются практиками взаимодействия окружающих с новым статусом респондента. Невостребованность и ее ощущение усиливаются негативными внешними оценками, увеличивающими дистанцию между «слабым» и остальными, вписанными в систему. Складывается новый тип социальных сетей «себе подобных», среди которых такие люди находят обманчивое всеобщее признание, «поддержку и понимание», а также единственный выход из сложившейся ситуации: «еще раз выпить». В то же время в данной социальной группе каждый надеется, что он лучше другого. Пьянство всегда преуменьшается, а свои личные качества приукрашиваются. Идет поиск самореализации и самоутверждения в социуме, однако самоутверждение в более низкой социальной страте пока не удовлетворяет амбициям респондента и не обеспечивает возможностей самореализации.

Дно: есть ли шанс выбраться?

Устроившись в июне 2001 г. разнорабочим на рынок, добившись, наконец, всех условий выгодной для себя занятости и проработав всего четыре дня, респондент впервые приходит к мысли: *«Наверно, я уже отвык работать. И денег не нужно. Смотри, вон деньги, 5 рублей. А мне ... (мат) не нужно».*

Несмотря на сохранившуюся ответственность за детей, он не имеет внешних стимулов и внутреннего ресурса борьбы за жизнь, чтобы справиться со своей болезнью — основным препятствием жизненного благополучия. Напротив, противоречие жизненных потребностей и реальных условий угнетают его, формируют пренебрежение к дальнейшей жизни. Из его уст все чаще окружающие могут услышать слова: *«Ничего не хочу. Убей меня». «Я никому не нужен».*

Респондент пока не утратил своих профессиональных ресурсов, сохранил уважение к себе и своей семье, к своему труду, желание нравиться, быть в центре внимания, быть социально значимым (нужным). Данные ценностные ресурсы могли бы способствовать возвращению к «нормальной» жизни, но отсутствует внутренний стимул, который активизировал бы эти личностные ресурсы, нет опыта борьбы за выживание, мобилизации, целеустремленности, предприимчивости, умения организовать домашнее хозяйство. Ему не хватает эгоистических устремлений, он социально зависим, при этом его социальные ресурсы в настоящее время в большей степени эксплуатируются, подавляя его социальный статус.

Решение проблем заключается в трезвом образе жизни, отказе от выпивки, лечении от алкоголизма. Александр нередко сам отчаянно верит в то, что он может самостоятельно бросить пить. Но в трезвом состоя-

нии он не знает, куда себя деть, чем заняться, как плодотворно провести время, при наличии проблем, требующих срочного решения, он не видит жизненных перспектив. Более того, в сложившейся ситуации он оказался один. В результате, подстегиваемый болезненными симптомами алкоголизма, он вновь начинает пить. Даже материальные проблемы решаются единственным способом: *«Водка калорийна, легче напиться, чем прокормиться»*.

Дети. Уровень образования

Вновь я обращаюсь к семейным фотографиям, чтоб посмотреть, какими дети Александра были в детстве, сравнить с тем, какими они стали, и определить перспективы их будущей жизни. На первых страницах фотоальбома, начала — середины 1990-х гг., с фотографий улыбаются милые скромные девчужки в аккуратных платьицах с большими бантами в волосах. Затем (конец 1990-х — начало 2000 гг.) это уже уверенные в себе девушки, которые выглядят старше своих лет и, как сами о себе говорят, слегка *«приблатненные»*. Кроме фотографий рассматриваю первые рисунки, аккуратно сложенные в папку, детские поделки, первые книжки, первые слова, написанные детской рукой. В первых школьных дневниках преимущественно пятерки, благодарственные заметки учителей об участии ребенка в общественной жизни класса. Начиная с пятого класса дневники начинают пестреть двойками, замечаниями учителей о систематических пропусках занятий младшей дочери. Старшая дочь хотя и не пропускала занятий, но училась также плохо.

Из рассказов девочек и их отца я узнаю, что они посещали престижное детское дошкольное учреждение. Работая в строительной организации, он параллельно занимался обслуживанием детских садов предприятия, и в конце 1980-х гг. детям Александра предоставили место в детском саду. В свое время заведующая садиком оценила профессиональные качества, ответственность, безотказность и старания Александра и сама предложила места в садике для его детей. Посещение детей престижного детского сада подготовило их к учебе в школе. Дети не только умели хорошо читать и писать, но и занимались французским и английским языками.

После окончания начального звена средней общеобразовательной школы детей нужно было определять в классы «по способностям» (1996—1997 гг.). На школьном собрании родителям предложили на выбор три типа классов: класс по гуманитарной подготовке, с углубленным изучением математики и класс общей подготовки. В первых двух специализированных классах помимо общих предметов давали дополнительные платные уроки, в классе же общей подготовки дополнительных платных

занятий предусмотрено не было. Учителя убеждали родителей, что класс общей подготовки дает тот же образовательный уровень и ничем не хуже остальных. В результате дифференциации учеников «по способностям» в школе были созданы классы, в которых учиться стало не престижно, лидерами в классе стали двоечники и нарушители дисциплины. Сами себя они нередко называют «УО» (умственно отсталые) и находятся в поиске альтернативных способов самоутверждения. Родители, которые знали или предвидели результаты дифференциации, отдавали своих детей в классы специальной подготовки, независимо от того, имел ли их ребенок способности или нет, и готовы были за это платить, не претендуя на качество образования. Классы общей подготовки, где учились девочки, сами учителя называют «обезьянниками», а уроки в них дают с большим нежеланием. Они давно заметили, что в таких классах пропадает желание учиться не только у «слабых» (неспособных к учебе) учеников, но и у «сильных», у тех, кто первоначально обладал крепкими знаниями. Дети нашего респондента не исключение. Они перестали быть прилежными ученицами, получать пятерки, в их сознании пропал положительный облик ученика. Вопреки хорошему дошкольному и начальному образованию они оказались «исключены» из возможностей более качественного образования. Сложившаяся ситуация в школе и дома определяла их поведение.

Интересным моментом в жизни респондента становится осознание ценности образования, получения специальности, которая будет впоследствии «кормить». Александр начинает сожалеть, что в свое время отказался от учебы на следователя и данный пример приводит своим детям в качестве аргумента необходимости хорошо учиться в школе. Когда становится ясно, что дети больше не хотят учиться, он настаивает хотя бы на посещениях школы, получении неполного среднего образования и дальнейшей учебы в ПТУ для освоения таких специальностей, как швея и парикмахер. Он пытается интегрировать детей в общество через ориентацию на получение профессий, которые в будущем обеспечат стабильный заработок и независимость от официального рынка труда.

В то же время он снимает с себя ответственность за нерадивое отношение детей к учебе, приводя пример из своего детства: *«У нас в селе была семья, где и отец, и мать беспробудно пили, а дочь их была отличницей»*. Безусловно, можно обвинить родителей в безответственности, равнодушии к будущему своих детей, но здесь также очевидны системные характеристики, способствующие созданию определенного слоя в иерархии социальной структуры, с ограниченными ресурсами и жизненными возможностями к вертикальной мобильности. На институциональном уровне — дифференциация классов в среднем общеобразова-

тельном звене, на уровне преподавателей — практика наполняемости непрестижных классов. К сожалению, для данной семьи система образования не выполнила функцию социального лифта, не обеспечила каналы мобильности для предупреждения экономического и социального расслоения. Напротив, поступление в школу положило начало для нисходящей мобильности для детей респондента.

Траектории мобильности трех поколений

Возвращаясь к родительской семье респондента, мы должны отметить, что образ жизни его родителей был подвержен системе общественного контроля конкретной локальности (села) («не высовываться и жить как все»). Отцу приходилось не только скрывать свое исключительное положение на селе, но и компенсировать его одобряемым поведением, зарабатывая авторитет среди селян, для которых символом успеха служил не материальный достаток, а уважение окружающих. Неудивительно, что отец не ориентировал детей на профессиональные и карьерные достижения. Но что удивительно, село в структуре советской системы всегда находилось на нижних ступеньках социальной иерархии, но именно сложившиеся отношения (активное участие людей в жизни каждого) позволяли людям внутри сообщества чувствовать себя комфортно. Здесь гораздо в большей степени проявлялись культурные образцы советского прошлого: коллективность, честность, ориентация на другого, на коллектив. Данные качества позволяли человеку «выделиться» в советской системе, которой он был создан и востребован. Молодые люди планировали свою жизнь в рамках тех форм социальной организации, в которых они жили и которые составляли среду обитания (существования), были глубоко укорены в их сознании.

Важен и другой момент: советское государство, стремясь к созданию «социально однородного общества», имело не только рычаги общественного контроля, но внедряло множество каналов, обеспечивающих вертикальную мобильность для социально незащищенных групп. К примеру, доступ к высшему образованию обеспечивался через целевые направления (так называемые комсомольские путевки) и рабфаки, продвижению по службе способствовало активное участие в общественной работе, порой для этого достаточно было вступить комсомол, стать членом КПСС. Мобильности из села в город способствовали общежития, прикрепленные к промышленным предприятиям: устройство на работу на данные предприятия гарантировало прописку, место в общежитии и заработную плату, «достойную» советского гражданина. Каналы мобильности были прозрачны и доступны для всего советского населе-

ния*, в том числе и сельских жителей. В то же время результат советской социализации, свойственный изучаемой категории населения, — это социально зависимая личность, лишенная эгоистичных устремлений в продвижении должностной и профессиональной карьеры, материального благополучия, но ориентированная на «социальный» успех в обществе. Данный тип личности также востребован советской системой, но не востребован современными социально-экономическими условиями. А коллективность, аскетизм, недостижимость, ориентация на помощь извне — это все те социальные характеристики (черты) советского прошлого, которые определили вытеснение на обочину материального благополучия и воспроизводство бедности в постсоветский период.

Итак, переход страны к рыночной экономике в 1990-х гг. характеризовался экономической и социальной нестабильностью, неравными стартовыми возможностями различных групп населения к адаптации, сохранением советских ценностей, резкой дифференциацией и отсутствием каналов вертикальной мобильности для слабонересурсных групп населения. В новой системе внутренние ресурсы подобных групп не могут быть активизированы, что ведет к защитным реакциям населения. Одиночество, которое раньше воспринималось как страдание, становится доминирующим состоянием человека, отношения переходят в плоскость индивидуализма. Если раньше действовала формула «нет *Я*, нет *меня*», то теперь, в системе рыночных отношений, она перестает быть актуальной, на смену ей приходит другая: «нет *другого* — только *Я*». Человек теряет самодостаточность и приобретает опыт неудачника, чувствует себя никому не нужным, лишним, не может рассчитывать на помощь извне, вынужден «замкнуться» на себе и собственных проблемах. Ситуация усугубляется тем, что «рабочий» теряет свое привилегированное положение в обществе. У таких людей, как Александр, нет способов дистанцирования (иммунитета) от общественных оценок (мнения), нет независимости, индивидуализма, которые могли бы помочь преодолеть стигму и даже использовать ее в своих корыстных целях. Приобретая опыт «неудачников», люди начинают формировать новую структуру: определенный круг друзей, работа и другие источники доходов (пособия), тем самым невольно способствуя воспроизводству

---

* Вспомним, что наш респондент имел возможность учиться в Ленинграде, но выбрал работу электрика в строительной организации Сыктывкара. При этом он имел две комнаты в общежитии и в начале 1990-х гг. планировал получить благоустроенную квартиру. Выбранная трудовая карьера не считалась в советский период ошибкой, напротив, он без особых усилий попадал в мейн-стрим.

структур социального неравенства. Неравенство закрепляется через эксплуатацию (низкие заработки, задержки ее выплат, поощрение неформальной занятости), через детей (ребенок без матери однозначно воспринимается ущербным, подрывая авторитет отца), возможности улучшения жилищных условий* и т. д. Взамен «советских» каналов мобильности предоставляются механизмы «помощи», усугубляющие положение людей, например, предоставление социальных пособий, формирующих иждивенческие позиции, как в случае с нашим респондентом. Все эти факторы приводят к переосмыслению реальности, отчуждению и одиночеству, раздвоению и делению жизни на «до» и «после». Но пока это деление сохраняется в сознании человека, сохраняется и непреодолимое желание «выбраться» из своего нынешнего статуса.

Продолжающийся социальный раскол общества приводит к созданию множества социальных позиций, которые в процессе деятельности (в борьбе за ресурсы) вынуждены кооперироваться в замкнутые социальные группы, определяя порядок взаимодействия внутри и за ее пределами с другими социальными группами. Социальные группы начинают контролировать возможности доступа к ресурсам — начинает работать закон от Матфея о богатстве и бедности. Все чаще социальные группы перестают понимать друг друга (происходит замыкание каждой группы на себе), все чаще проблемы бедности списываются на самого человека. В результате возрастающее чувство отчужденности социальных групп приводит к тому, что социальные слои населения, ограниченные в возможностях, продолжают выпадать из системы распределения, а чувства ненужности, отчужденности, неспособности изменить ситуацию у слабых групп населения приводят к консервации бедности.

---

* Один из примеров, рассмотренный выше, — дифференциация классов в общеобразовательных школах. Другим ярким примером может служить формирование жилищной сегрегации. До 2005 г. в Сыктывкаре была запрещена приватизация комнат в общежитиях. Люди, имеющие единственный ресурс улучшения жилищных условий, оказались лишены этой возможности. Иначе говоря, наиболее нуждающиеся в жилье были более всего ограничены в возможностях его улучшения, что обеспечило им нисходящую мобильность. В настоящее время дифференциация населения продолжается, она носит вторичный характер и порождена «человеческими пороками», вызванными экономическими реформами 1990-х гг. В данном случае речь идет о злостных неплательщиках коммунальных услуг, которых переселяют в худшие жилищные условия. Данная вынужденная мера приводит столкновению интересов тех, кто до сих пор платил за коммунальные услуги, и тех, кто не намерен платить и дальше.

Литература

Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 43–784. М.: Издательство политической литературы, 1960.

Раунд Дж. Конструирование феномена «бедности» в постсоветской России // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 3. С. 319–348.

Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.

Ярошенко С.С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар, 2005.

Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2.

Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2000. Vol. 1. No 1. Pp. 43–65.

Lewis O. The culture of poverty // Poverty in America / Ed. by L. Ferman, I. Kornblun, A. Haber. Ann Arbor: University of Michigan press, 1965. Pp. 405–419.

Wright E. Class counts. Comparative studies in Class Analysis. New York: Cambridge University Press, 1997.